

ТЕПЛЫЙ ЖЕЛТЫЙ

АСЯ НОЧЕРГИНА
Начинающий писатель
и семейный психотерапевт
из Москвы. В основной
работе наблюдает всю
красоту и сложность
человеческой психики
и коммуникации. А в своих
рассказах пробует обленять

это в метафоричную форму.
Ценитель абсурда и красоты
пылинок, любитель деталей.
Сейчас эмигрант, случаемый
по родине и особенно
Санкт-Петербургу. Участ-
ница курса BAND «Нак
писать прозу. Искусство
истории».

Вера провела пальцем по тумбочке, на глянцево-пыльной поверхности остался округлый вытянутый след. Она вытерла палец о плед и повернулась на другой бок. Характерная для ранней юности апатия густо заполняла комнату и скапливалась по углам. Недавно открывшаяся способность к абстрактному мышлению вытаскивала из своих рукавов плотные ламинированные карточки, с четкими, как из недавних детских книжек, картинками. Человечество – обречено, смысла – нет, общество – безропотная масса, идеи – тщетны, права – иллюзорны, намерения – пусты.

Тюлевые занавески, голубоватый свет настольной лампы, старый ноутбук, палетка теней на подоконнике, кружка с засохшей кофейной пленочкой – какой отвратительный хлам, тоже пыль, лишь на время слепившаяся в более крупные, но не менее примитивные формы.

Юность со свойственной ей импульсивностью опрокидывала привычный и недавно любимый Верин мир, смахивала рукавом своего балахона, предлагая в качестве альтернативы только вакуум абстрактных понятий и нерешаемых экзистенциальных задач.

Вера закрывалась пледом с головой. Покалывало голые икры. Ей вспоминались длинные разговоры, которые она вела с ним под теплыми, южными соснами. Они переплетали вино и сло-

ва, философию и иронию. Небо расплывалось над ними своей бархатной синей гуашью и обещало одно только счастье. Вдвоем бесстрашно и весело шагали они тогда в любые теории, сны, догмы, мифы и дискурсы. Она была избранным собеседником, читателем главных книг, слушателем вечных истин. Уже не небо и сосны вращались над ними, а величественный и вечный заводной механизм жизни, собранный по тончайшим чертежам, механизм, который медленно разворачивал вокруг них золотую гармонию. Рай еще бережно хранил двух своих странников.

Вера шла на пары, а вместо этого садилась на качели во дворе и слушала музыку до самого вечера. Уже в сумерках смотрела, как мамы забирают детей из сада, как отцы засиживаются в машинах, чтобы не подниматься домой, как лупят поводками своих собак соседские старухи.

Господи, какой отвратительный цирк. Как можно все это выносить, как можно проживать каждый из этих дней, думала Вера, ощущая собственным носом набежавшие сопли в носу мальчишки и вкусом ментоловых сигарет курящего в машине мужчины. Вера проживала этот вечер вместе с каждым из них, и с каждым же из них она в этот вечер превозмогала. Потом шла домой, подолгу сидела на подоконнике в подъезде, пока отец не выходил ее искать.

– Дура, бешеная! Мать обзвонилась уже. Она тут жопу морозит, пока все мечутся. Иди домой быстро.

Вера курила на балконе, смотрела в окна напротив, вниз на машины, вверх на два мигающих огонька на крыльях самолета. С правого крыла – зеленый, с левого крыла – красный.

Ничто золотое, тонкое, правильное и вечное не вращалось над ее головой. Только пара пролетов соседских балконов и плоская крыша многоэтажки. Разочарование в себе и бессмысленность происходящего переплетались, придавливали коротким глухим плачем и ватной тоской.

Измотанную девушку с самого утра встречала новая порция рефлексии. Старая знакомая разваливалась рядом с Верой на диване, раскладывала методичными движениями пасьянс новых карточек с вопросами: что ты умеешь, для чего ты тут вообще, на что ты сгодишься, в чем твое предназначение, чего ты хочешь достичь, зачем стараться.

– Верыч, привет! Пошли пройдемся. Я ненадолго, – сказала приехавшая сестра, заглянув в комнату.

– Оль, возьми ее, возьми. Может, хоть тебя послушает. Валяется, шатается и курит. Отцу грубит, со мной вообще уже не разговаривает. Ты знаешь, что она академ взяла. Академик, блин. И чо теперь? Год на диване валяться будет?

– Теть Тонь, я знаю, да. Мама рассказывала. Мы пойдем сейчас погуляем, не переживайте. Где Веркина куртка? Верыч, ну пошли, харе тут шланговать. Я тебе машину свою покажу, ты ж еще не видела!

Вера любила двоюродную сестру. Надев куртку и замятые кроссовки, вышла с ней во двор. Было зябко за воротником. Дошли до машины, Оля завела двигатель, дизель послушно рыкнул в ответ. Девушки сели, теплый воздух понемногу согревал небольшое пространство. Оля рассказала что-то про покупку машины, Вера молчала. Но в один момент, перебив сестру, сказала:

– Олич, я ведь тогда с ним думать начала, вопросы задавать. А отвечать у меня не получается... Руку протягиваю, а ухватить не могу. Оль, зачем это все...

– Верыч, милая, да ты на все ответишь! Господи, тебе двадцать лет, еще столько ответов впереди. Мне кажется, я в двадцать лет только пиво пила, а ты о смыслах жизни думаешь. А Вова твой мудака просто редкостный. Взрослый мужик несет ответственность за отношения с девчонкой молодой. Так, погоди, облокотись на спинку. Ша, вот. Поехали!

Оля, перегнувшись через Верину кресло, нажала на кнопку, и спинка стала медленно раскладываться назад. Сиденье плавно разогнулось.

– Кайф? Звезды прямо в крыше.

Девушки лежали в машине и смотрели сквозь стеклянный люк на ночное небо.

– Оль, можно я покурю?

– Валяй, только одну – салон провоняет. Верыч, слушай, если ты сейчас посвободнее, можешь мне с Оськой помочь? Я каждый день до восьми на работе, маму просить не хочу. У нее, блин, постоянный этот внутренний счетчик тикает и кислое лицо нон-стоп. Ты можешь его раза два в неделю из садика забирать и на художку отводить? А я уже его там забирать буду.

– Ох, я не знаю. Мне каждый день глаза открыть трудно, а ты меня к сыну зовешь. Олич, я хреновая няня, я даже дочь хреновая.

– Так, дочь хреновая, завязывай! Ты бесконечно прекрасная, а я это точно знаю. Ну, потусите один разок, и решим. Оська тебя ужасно ждет, я ему уже все наобещала.

– Бли-и-ин, Оль, как ты умеешь навязаться, а! Ладно, один раз.

– До-о-о, я такая, да! Так, ладно, садись ровнее, прокатимся давай.

Через неделю Вера стояла перед решеткой детского сада, высматривая знакомую шапку. Фонари светили тепло, дети носились стаями разноцветных снежинок, время от времени разбиваясь на более мелкие группки. Пахло холодной землей, мокрыми ветками. Вере вспомнилось, как она сама допоздна ждала маму на уже совсем опустевшем дворе детского сада. Рано темнело, и ей там в детстве казалось, что наступила совершенная ночь, что совсем скоро уйдут воспитатели, а она так и останется одна шагать по закопанным разноцветным покрывалам.

– Здравствуйте, я тетя Осипа, меня зовут Вера, Ольга должна была вас предупредить, – обратилась Вера к воспитательнице.

– Добрый вечер! Да, да. Я заказала на вас пропуск. Мы не всегда второй раз на прогулку выходим. Сможете забирать из группы? Отдам вам в следующий раз.

– Да, спасибо.

– Осип, прощайся с ребятами, тетя Вера пришла. Давай бегом. Варезки свои не забудь. На, у меня они!

Ося прокричал прощание своим одноклассникам и, примчавшись с разбега, обнял Веру за ноги.

- Привет, Вера! Пошли, я тебе покажу дорогу, мама сказала тебе помочь. Я тут все знаю!
- Привет, Оська. Пойдем. Надень варежки.
- Не хочу, они мокрые, мне не холодно.
- Ну ты тогда дай одну руку мне, а вторую сунь в карман.

Было приятно держать маленькую теплую ручку в своей руке. Они шли по легкому слою снега, прикрывшему асфальт. Ося деловито показывал дорогу и шмыгал носом. В кармане Вера несла грязные и мокрые Осины варежки – верных его соратников. Несмотря на свой вязаный и бежеватый вид, они не побоялись доставать вместе с Осей палки и листья из прихваченной первым льдом грязной лужи и теперь тоже отогревались в Верином кармане.

- Вера, я сначала буду смотреть мультики, потом покажу тебе семихвост. Я его вчера из лего сложил и оставил, не разбираю, – выкрикивал Оська, спеша раздеться в прихожей.
- Хорошо, только я должна тебе дать перекус еще, как мама сказала.
- Сырники я не люблю, дай банан и апельсинки. Я уже буду включать.
- Иди, включай, я тебе в комнату принесу.

В квартире сестры спокойно. Небольшая «однушка» была заполнена смесью «Икеи» и бабушкиных шкафов. То и дело Веру встречали разложенные в нужных местах маленькие пестрые коврики, было приятно встретиться с ними ногами и не стоять на холодном.

- Верыч, смотри, у них в городе мэр – кукуруза. А-ха-ха-ха. Я тоже хочу быть кукурузой. А еще мне нравится Дюк Детейн, у него классная тачка, он смешной.
- Да, и очки прикольные. Смешно, что все из лего! Через 15 минут Вера обнаружила себя смотрящей мультики вместе с племянником. Было хорошо лежать на ковре, что-то подъедать одной рукой и слушать прыгающий Осин смех. Вера вспомнила о просьбе сестры заправить для Оси суп на завтра, встала и пошла на кухню.

- Осич, еще две серии – и все. Нам в художку надо успеть.

Вера достала из холодильника морковь, лук и брокколи. Помыла и стала резать овощи. Из комнаты слышались смешные голоса героев, над плитой трудилась маленькая лампочка кухонной вытяжки, раздавая камерный желтоватый свет. Эти лампочки накаливания всегда светят желтым, поэтому можно выключить противные прожектора верхнего света и резать овощи в приятном тепле.

Вера чувствовала себя жучком в спичечном коробке. Такой изображают в детских книжках. Вокруг тьма и лапы хвойного леса, а у жучка в коробочке все обустроено. Тут спальня, тут кухня, висят запасы каких-то корешков, треугольником лежит подушка на крохотной кровати.

Вера любовалась разноцветными кругами моркови и маленькими деревьями брокколи, желтоватым озером куриного бульона в блестящей кастрюле, корабликом лаврового листа и метеоритами черного перца.

В этих простых вещах собрался и раскрылся огромный атлас всего света, не нужно было ничего обдумывать, весь мир в каждом его смысле был в Вериных руках кружком моркови или бусинкой специ. Такая простая, такая невероятная красота и открытость мира вдруг явилась перед ней со всей очевидностью. Не нужны были сложные формулировки и долгие трудные объяснения, мир обнимал Веру, а она обнимала его в ответ.

- Вер, я какать хочу!
- Так иди же?!
- Поставь мне сидуху, она на крючке висит.

Потом Вера помогала племяннику собрать, натягивала свои ботинки, снимала их опять, бегала по квартире, искала куда-то закинутые ключи, проверяла плиту. Тем временем в темноте последних этажей подъезда выкидывала из рукавов своего балахона не пригодившиеся карточки Верина рефлексия. Ненадолго замерев в воздухе, карты рассыпались и исчезли.

- Осич, где варежки, блин?
- Ты на батарее сказала положить...
- Ох, ладно, пошли уже так!

Они вышли на улицу. Вера держала маленькую теплую ручку племянника, а Ося – пластиковую холодную руку новой лопаты.

Было решено нести орудие под мышкой, а ручку тоже спрятать в карман. Шли через двор, по короткой дороге в арку. Ося рассказывал, что будет рисовать лего-полицейского или ниндзя. Вера спрашивала его, знает ли он, что такое пейзаж и портрет.

А где-то там над их головами, в светлом от фонарей городском небе медленно вращались тонкие золотые механизмы, перекрещивались и описывали свои траектории невесомые окружности, гармония, равновесие и смысл, которым наделен этот мир, возвращались в души людей. Тончайшие серебряные спицы собирали свой вечный узор и накрывали им головы. Рай бережно хранил двух своих странников.